

тить в христианство двухсот человек хазар и добиться освобождения около двадцати пленных христиан. На обратном пути, в горном Крыму (неподалеку от Судака), он уговорил местных жителей не приносить жертвы дубу «именем Александр», считавшемуся подателем дождя, и срубить это священное дерево.

Трудно сказать, когда у братьев зародилась мысль создать для славян собственную письменность и с чем это было связано — предназначалась ли она первоначально для использования в самой Византии (для скорейшего обращения в христианство языческого населения «славиний») или же сразу за ее пределами (в соседней Болгарии или далекой, но грозной для Империи после 860 г. Руси)? Как в первом случае, так и во втором речь шла о многочисленном славянском населении. Славяне к тому времени расселились на Балканском полуострове вплоть до Пелопонеса (где их остатки сохраняли свой язык и обычаи еще в XIV в.), о малоазийской Вифинии уже говорилось. А два десятилетия спустя славянская письменность обрела официальный статус в соседней, постоянно соперничавшей с Византией Болгарии, и изобретение верных слуг императора могло в этой ситуации обернуться

По поводу таинственных «русских» (или «рушьских») письмен в науке свыше полутора столетий не смолкают споры. Наиболее убедительное решение вопроса было предложено французским славистом А. Вайяном, который исходя из контекста упоминания этих письмен (рядом с двумя семитскими языками и азбуками) и параллелей в других текстах кирилло-мефодиевской эпохи пришел к выводу, что речь шла первоначально о «сурьских» (сирийских) письменах (сирийцы в Средние века были христианами преимущественно несторианского толка) и пользовались особым письмом, их колонии были разбросаны от Причерноморья до Центральной Азии). Ошибочное осмысление названия письмен («рушьские» — «русские») произошло в глубокой древности (оно содержится во всех списках жития, независимо от их